

И. Х. БАГРАМЯН

Маршал Советского Союза

Герой Советского Союза

КРАХ ОПЕРАЦИИ «ЦИТАДЕЛЬ»

(Победа советских войск под Орлом и Брянском)

Всю зиму 1942/43 г. на советско-германском фронте не прекращались ожесточенные сражения. В конце зимы после катастрофы под Сталинградом, серьезных поражений на Северном Кавказе, под Ленинградом и Великими Луками командование вермахта организовало контрнаступление против Юго-Западного и Воронежского фронтов. Сняв силы с западноевропейского театра военных действий, поскольку открытие второго фронта по-прежнему оттягивалось, не считаясь с потерями, Гитлер и его подручные бросили против утомленных непрерывными боями советских воинов хорошо оснащенные техникой силы, в том числе танковый корпус «СС», укомплектованный самыми отъявленными фашистскими головорезами. Им удалось вновь овладеть Харьковом и Белгородом, а также северо-восточными районами Донбасса. Но превратить этот оперативный успех в победу стратегического масштаба путем окружения советских войск в районе Курска, о чем мечтало гитлеровское командование, врагу не удалось.

В апреле 1943 г., когда обе стороны исчерпали свои наступательные возможности, на всех фронтах наступило затишье. При этом конфигурация линии фронта сложилась весьма своеобразно: от Баренцева моря до Великих Лук она шла с небольшими отклонениями почти строго с севера на юг, а от Великих Лук поворачивала на юго-восток и доходила до Новосиля, огибая Орел с северо-востока. Затем, изгибаясь, шла на юго-запад восточнее Севска, далее — на юг до района восточнее Сум, а оттуда поворачивала на восток к Белгороду, а потом на юго-восток, к Чугуеву. Наиболее глубокие зигзаги линия фронта имела на центральном участке советско-германского фронта. Здесь находились едва ли не самые важные в стратегическом отношении районы, расположенные недалеко от Москвы, была хорошо развита коммуникационная сеть и сосредоточивались наиболее крупные и боеспособные группировки войск обеих сторон. Эти крутые зигзаги и изломы линии фронта в головах гитлеровских генштабистов превращались в трамплин для попыток реванша за зимние поражения вермахта.

Гитлер еще в период тяжелых оборонительных боев на востоке носился с планом нового удара по Советскому Союзу, он хотел показать немецкому народу и деморализованным поражениями союзникам, что вермахт несокрушим. И потому, когда в конце марта немецкое контрнаступление было остановлено, германское командование приняло решение снова начать наступление после весенней распутицы. Его план состоял в том, чтобы окружить и уничтожить находящиеся в районе Курска крупные силы Красной Армии, в том числе и резервы для готовившейся наступательной операции. Спрявление Курской дуги сулило также сокращение фронта на 240 км и могло привести к экономии сил и средств. Фашистские стратеги понимали также, что Курский выступ легко может быть использован Красной Армией как исходный район для нанесения мощных ударов во фланг группы армий «Юг» в направлении Полтавы, а также на север — против Орловского плацдарма немцев.

13 марта Гитлер издал оперативную директиву № 5. В ней ставилась задача: «На нескольких участках фронта перейти в наступление сразу после окончания весенней распутицы, чтобы упредить русских и навязать им свою волю хотя бы на одном из участков Восточного фронта... На остальных участках задача сводится к обескровливанию противника, а там необходимо заблаговременно создать особенно прочную оборону путем применения тяжелого оружия, инженерных сооружений, минных заграждений, оборудования тыловых опорных позиций, создания подвижных резервов»¹. Группе армий «Юг» приказывалось до середины апреля сосредоточить сильную танковую группировку севернее Харькова, а группе армий «Центр» создать мощную группировку южнее Орла с общей целью ударами с юга и севера окружить и уничтожить находящиеся в районе Курского выступа советские войска. Эта операция тогда же получила кодовое наименование «Цитадель». Вскоре, однако, выяснилось, что намеченный на конец апреля срок начала этой операции соблюсти не удастся, он был передвинут на 15 мая, а затем еще дальше.

15 апреля была издана новая оперативная директива Гитлера № 6. В ней более определенно формулировалась как цель операции, так и ее значение: «Решительными и быстрыми ударами одной ударной группировки из района Белгорода, а другой — из района южнее Орла — путем концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска противника и уничтожить их»². В директиве особо подчеркивалось: «Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом и вернуть в наши руки инициативу на весну и лето текущего года».

В связи с этим подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлениях главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, выдающиеся командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый солдат должен проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира»³.

Характерно, что в этом приказе Гитлер предусматривал необходимые меры для предотвращения контрдействий Красной Армии. В одном из пунктов директивы говорилось: «Для успеха наступления решающее значение имеет то, чтобы противнику не удалось наступательными действиями на других участках фронта групп армий «Юг» и «Центр» вынудить нас отсрочить начало наступления по плану «Цитадель» или же преждевременно отвести участвующие в нем соединения. Поэтому обеим группам армий наряду с наступательной операцией «Цитадель» вменяется в обязанность подготовить планомерно до конца месяца оборону на остальных и прежде всего на угрожаемых участках фронта. При этом в первую очередь необходимо ускорить всеми средствами строительство оборонительных позиций, прикрыть танкоопасные направления достаточным количеством противотанковых средств, создать тактические резервы, своевременно вскрыть активными действиями разведки направления главных ударов противника»⁴.

Однако гитлеровскому командованию, несмотря на рвение, проявленное им при исполнении приказов фюрера, не удалось нейтрализовать мощные удары советских войск по немецко-фашистской группировке на Орловском плацдарме.

Одновременно с планированием операции «Цитадель» в Германии шла интенсивная подготовка к летней кампании 1943 г. С весны 1943 г. Германия и ее сателлиты развернули лихорадочную деятельность по всем линиям, чтобы как можно лучше подготовиться к решительному сражению. Для восполнения людских потерь и восстановления разбитых частей и соединений фашистские правители прибегли к «тотальной» мобилизации. Все мужчины в возрасте от 17 до 50 лет, способные носить оружие, были брошены в пучину войны. Было призвано в вермахт около миллиона высококвалифицированных рабочих. В 1943 г. численность вооруженных сил Германии увеличилась на 1,5 — 2 млн. человек и стала почти такой, как в 1942 г.

Недостаток рабочей силы в промышленности и сельском хозяйстве фашистские руководители третьего рейха пытались компенсировать применением рабского труда.

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!». М., 1967, стр. 499.

² Там же, стр. 503.

³ Там же, стр. 502.

⁴ Там же, стр. 505.

соегнав в Германию дополнительно более 2 млн. иностранных рабочих и военнопленных. Всего в 1943 г. там работало более 6 млн. военнопленных и иностранных граждан⁵.

Одновременно гитлеровское руководство делало все, чтобы резко увеличить выпуск военной продукции. При этом особое внимание уделялось производству новых танков типа «пантера» и «тигр», а также штурмовых орудий «фердинанд». Авиационная промышленность стала выпускать более совершенные самолеты. В общей сложности в 1943 г. по сравнению с 1942 г. производство танков возросло в 2 раза, самолетов — в 1,7, штурмовых орудий — почти в 2,9, орудий — в 2,2, минометов — в 2,3 раза⁶.

К лету 1943 г. немецко-фашистская армия представляла огромную силу. В ней насчитывалось 10 300 тыс. человек, в том числе в действующей — 6 682 тыс. Из них на советско-германском фронте было 4 800 тыс., т. е. свыше 71%. Кроме того, здесь же находилось 525 тыс. человек, входивших в состав армий сателлитов. Следовательно, гитлеровское командование держало на советско-германском фронте 5 325 тыс. человек⁷ — почти столько же, сколько в момент нападения на нашу страну. Несмотря на это, соотношение сил на фронте складывалось уже не в пользу Германии. В действующих Советских Вооруженных Силах к лету 1943 г. находилось 6 442 тыс. человек⁸. Таким образом, без учета резервов мы превосходили противника по людям в 1,2 раза. Орудий и минометов у нас было 98 790 против 54 300 у противника, соответственно танков и самоходных орудий имелось 9 580 против 5 850, боевых самолетов 8 290 против 2 980⁹. Эти цифры показывают, что мы добились значительного превосходства в боевой технике. Надо, однако, учесть, что свыше половины орудий и минометов, находившихся тогда на вооружении Красной Армии, было небольших калибров (76-мм орудия и 82-мм минометы). Почти треть всех танков составляли легкие. При таком благоприятном для нас соотношении сил и начиналась летне-осенняя кампания 1943 г.

Особенно тщательно гитлеровское командование вело подготовку в районе Курского выступа. Действовавшие в районах южнее Орла и севернее Харькова немецко-фашистские войска пополнялись людьми и боевой техникой. Сюда перебрасывались дивизии с других участков советско-германского фронта. Пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, немецкое командование направило в эти районы пять пехотных дивизий из Франции и Германии. Особенно большое внимание уделялось сосредоточению танковых соединений, на которые Гитлер и его генералы возлагали большие надежды. Стягивались также крупные силы авиации. Из Франции, Норвегии и Германии дополнительно было перебросено пять авиационных групп. В результате противнику удалось создать мощные ударные группировки.

К началу июля 1943 г. группировка противника на курском направлении в полосе войск Центрального и Воронежского фронтов была доведена до 50 дивизий (пехотных — 34, танковых — 14, моторизованных — 2). Всего здесь враг сосредоточил до 900 тыс. человек, около 10 тыс. орудий и минометов, около 2700 танков и свыше 2000 самолетов¹⁰.

Против северного фаса Курского выступа в полосе Центрального фронта действовала 9-я немецкая армия в составе 23 дивизий (шесть танковых, одна моторизованная и шестнадцать пехотных). Эта армия получила задачу нанести удар на Курск с севера, в полосе западнее железной дороги Орел — Курск, с одновременным выдвижением обеспечивающих частей на рубеж северо-восточнее Курска. Ее ударная группировка в составе восьми пехотных, шести танковых и одной моторизованной дивизий была сосредоточена на 40-километровом фронте в полосе между железной дорогой и шоссе, идущими из Орла на Курск, против войск 13-й и правофланговых соединений 70-й армий.

⁵ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история». М., 1970, стр. 237.

⁶ «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.». М., 1956, стр. 170—171.

⁷ «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история», стр. 237.

⁸ Кроме того, в составе Степного фронта, находившегося в резерве Ставки, насчитывалось 492 652 человека, 3 954 орудия всех калибров, 4 170 минометов калибра 82 и 120 мм, 1380 танков и САУ.— «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история», стр. 237.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 238.

В ударной группировке 9-й армии насчитывалось 270 тыс. человек, около 3500 орудий и минометов и до 1200 танков и самоходных орудий ¹¹.

Западный фас Курского выступа на фронте в 170 км обороняла 2-я немецкая армия в составе восьми пехотных дивизий.

Против южного фаса Курского выступа, где действовали войска Воронежского фронта, были развернуты 4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф» в составе 19 дивизий (десять пехотных, восемь танковых и одна моторизованная). Ударная группировка 4-й немецкой танковой армии в составе двух пехотных, пяти танковых и одной моторизованной дивизий была сосредоточена на ее правом крыле, к западу от Белгорода на фронте 35 км. Она получила задачу наступать вдоль шоссе на Обоянь, Курск. На остальном участке фронта 4-й танковой армии протяжением в 65 км были оставлены для обороны две пехотные дивизии.

В районе Белгорода и южнее на участке протяжением в 35 км была развернута ударная группировка оперативной группы «Кемпф» в составе трех пехотных и трех танковых дивизий, которая должна была наступать в направлении на Корочу и тем самым обеспечить наступление 4-й танковой армии на Курск с востока. Правый фланг ударной группировки оборонял армейский корпус в составе трех пехотных дивизий на участке 125 км. Всего в ударных группировках 4-й танковой армии и группы «Кемпф» насчитывалось до 280 тыс. человек, более 2500 орудий и минометов и до 1500 танков и самоходных орудий ¹². Бывший начальник штаба 48-го немецкого танкового корпуса, участвовавшего в операции, генерал Ф. Меллентин признает, что «ни одно наступление не было так подготовлено, как это» ¹³.

Ставка Советского Верховного Главнокомандования придавала огромное значение планированию и проведению операций летней кампании 1943 г. Бывший заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал, что Генеральный штаб вместе с командующими фронтами принял ряд мер по организации тщательной разведки на участках Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов. В результате этой разведки в первых числах апреля были получены достаточно полные сведения о наличии войск противника в районе Орла, Сум, Белгорода и Харькова. Проанализировав и обсудив их с командующими Воронежского и Центрального фронтов Н. Ф. Ватутиным и К. К. Рокоссовским, а затем по телефону с начальником Генерального штаба А. М. Василевским, Г. К. Жуков пришел к выводу, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов с тем, чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению. При этом, подчеркивал он, противник на первом этапе, собрав максимум своих сил, в том числе до 13—15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар орловско-курской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока, а на втором этапе противник будет стремиться выйти во фланг и тыл Юго-Западному фронту, в общем направлении через Валуйки, Уразово.

Основываясь на этом, Г. К. Жуков считал, что переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника является целесообразным. Поэтому мы должны будем измотать врага на нашей обороне, выбить у него танки, а затем, введя свежие резервы, перейти в общее наступление с целью ликвидировать основную группировку противника ¹⁴. Окончательное решение о преднамеренной обороне было принято Ставкой в конце мая — начале июня 1943 г., когда фактически во всех деталях стало известно о намерении гитлеровского командования нанести по Воронежскому и Центральному фронтам мощные удары с привлечением для этого крупных танковых группировок при широком использовании новых танков «тигр» и самоходных орудий «фердинанд».

Было признано целесообразным встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, обескровить противника, после чего, перейдя в контр-наступление, окончательно его разгромить. Одновременно с планом преднамеренной

¹¹ «История Великой Отечественной войны 1941—1945», т. 3. М., 1961, стр. 242.

¹² Там же, стр. 242.

¹³ Ф. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945. М., 1957, стр. 191.

¹⁴ См. Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 456—458.

обороны решено было разработать и план наступательных действий, если наступление противника будет затягиваться на длительный срок.

Центральный Комитет партии, Государственный Комитет Обороны, Ставка и Генеральный штаб развернули колоссальнейшую работу по подготовке Красной Армии к летней кампании 1943 г. В Генеральном штабе провели необходимые мероприятия, связанные с дальнейшим улучшением структуры Красной Армии. В связи с этим совершенствовались организационные формы фронтов и армий. В их состав дополнительно включались артиллерийские, истребительно-противотанковые и минометные соединения и части. Войска усиливались средствами связи. Стрелковые дивизии оснащались более совершенным автоматическим, противотанковым вооружением и объединялись в корпуса с тем, чтобы улучшить управление в общевойсковых армиях и сделать их более мощными. Формировались новые артиллерийские и минометные соединения, вооруженные более качественными системами. В распоряжение фронтов и ПВО страны начали поступать зенитно-артиллерийские дивизии, что резко повышало мощь противовоздушной обороны.

Особое внимание ЦК партии и Государственного Комитета Обороны было сосредоточено на производстве танков. Войска получили также освоенные нашей промышленностью самоходные артиллерийские установки. Проводилась большая работа по усилению Военно-Воздушных Сил, на вооружение которых поступили самолеты усовершенствованных конструкций, такие, как «Ла-5», «Як-9» и др.

Партия придавала большое значение повышению уровня партийно-политической работы. В ряды войск вливались новые тысячи коммунистов, которые своей активностью поднимали еще выше дух мужественных воинов Красной Армии. В 1943 г. в Вооруженных Силах насчитывалось свыше 2,7 млн. коммунистов и приблизительно столько же воинов-комсомольцев.

К лету 1943 г., перед Курской битвой, Советские Вооруженные Силы как в количественном, так и в качественном отношении превосходили немецко-фашистские войска. Советское Верховное Командование теперь имело все средства, которые позволяли решительно и твердо удерживать в руках стратегическую инициативу на всех важнейших направлениях и диктовать врагу свою волю. Поэтому сразу же после парирования или даже локализации ударов врага планировалось силами Воронежского, Степного и частично Юго-Западного фронтов разгромить белгородско-харьковскую группировку противника и развивать наступление с целью освобождения Донбасса и всей Левобережной Украины. Войска же Центрального, Брянского и левого крыла Западного фронта должны были концентрическими ударами разгромить соединения противника, сосредоточенные на Орловском плацдарме, и в дальнейшем наступлением на Брянск окончательно обезопасить Москву и весь Центральный промышленный район страны.

В операции по ликвидации орловской группировки немецко-фашистских войск из состава Западного фронта при прорыве обороны должна была по первоначальному плану принять участие лишь 11-я гвардейская армия, которой мне довелось командовать. Ее боевым действиям и посвящена данная работа.

Наша армия, именовавшаяся до этого 16-й, с 1 мая 1943 г. была преобразована в 11-ю гвардейскую¹⁵. После успешного в целом окончания Жиздринской наступательной операции армия перешла к обороне вдоль течения р. Жиздры на фронте Чернышино, Волосово, несколько южнее Сухиничей и Козельска. Справа от нас на рубеже Гусевка, Пырино оборонялась 50-я армия нашего фронта (командующий генерал-лейтенант И. В. Болдин). Слева действовали войска Брянского фронта, рубеж обороны которого пролегал через Мценск, Новоси́ль до Городища. На стыке с нашей армией оборонялась 61-я армия под командованием генерал-лейтенанта П. А. Белова.

Вначале Советское Верховное Командование предполагало весной 1943 г. предпринять наступление на центральном и юго-западном направлениях. В середине апреля Ставка решила подготовить ряд взаимосвязанных наступательных операций, в том числе нанести удар по орловской группировке немецко-фашистских войск силами Брянского, Центрального, левого крыла Западного фронтов.

¹⁵ С целью скрыть от противника факт преобразования армии в гвардейскую было решено вплоть до выхода ее в район Хотынца в официальных документах называть армию по-прежнему 16-й.

По этому замыслу предполагалось на первом этапе концентрическими ударами упомянутых выше фронтов окружить орловскую группировку противника и уничтожить ее. Это бы дало возможность развернуть общее наступление на данном операционном направлении, итогом которого должен был стать выход на Днепр.

Подготовка операций в соответствии с этим основным замыслом осуществлялась в следующей последовательности. Все фронты, я имею в виду Западный, Брянский и Центральный, в конце апреля получили от Ставки указания по организации предстоящего наступления. Конкретный план разрабатывался командующими Западным и Брянским фронтами, а также командармами, чьим войскам предстояло осуществить задуманный комплекс операций. Затем эти предварительные решения должны были быть рассмотрены Генеральным штабом и утверждены Верховным Главнокомандующим.

Особенно тщательно отрабатывались вопросы взаимодействия в наступлении на стыке этих фронтов между 11-й гвардейской армией Западного фронта и 61-й армией Брянского фронта. Получилось так, что мне довелось активно участвовать в разработке решения на Орловскую операцию на всех этапах, в том числе и при рассмотрении его Ставкой. Стоит поэтому подробнее рассказать об этом.

Исходя из общего замысла Орловской операции, намеченного Ставкой Верховного Главнокомандования, командующие Западным фронтом генерал-полковник В. Д. Соколовский и Брянским — генерал-полковник М. А. Рейтер в начале мая выработали следующее решение: нанести удар по орловской группировке из района южнее Козельска всеми силами 11-й гвардейской и частью сил 61-й армии. В соответствии с этим решением 11-й гвардейской армии в составе девяти стрелковых дивизий, двух танковых корпусов и других средств усиления предстояло прорвать подготовленную оборону противника в междуречье рек Ресеты и Вытебети и развить удар строго на юг на Хотынец во фланг и глубокий тыл орловской группировки противника с целью окружения ее во взаимодействии с войсками Центрального фронта.

Главная группировка Центрального фронта должна была наносить удар из района Понеры на Кромы и далее на Хотынец, т. е. навстречу нашей армии. 61-й армии Брянского фронта в соответствии с данным решением предписывалось сосредоточить на стыке с нашей армией три стрелковые дивизии и развивать их силами прорыв, достигнутый 11-й гвардейской армией, свертывая противостоящую оборону противника.

Много я размышлял над этим решением и чем больше изучал складывающуюся тогда обстановку, тем менее удачным казалось мне оно. Прежде всего я ясно представлял себе, сколько трудностей сулят организация и осуществление взаимодействия двух наступающих армий, входящих в разные фронты, но выполняющих единую оперативную задачу, сколько может возникнуть в ходе такого прорыва и его развития оперативных и тактических неожиданностей, когда от наступающих войск двух армий потребуются синхронное взаимодействие, мгновенная реакция, быстрый маневр силами и средствами в соответствии со складывающейся обстановкой. Сколько драгоценного времени может быть потеряно на согласование важных для успеха прорыва и дальнейшего наступления вопросов!

Учитывалось мною и то обстоятельство, что оба командующие войсками фронтов имели на данном направлении фактически лишь по одной армии, а главные силы должны были наносить удары на других, весьма удаленных операционных направлениях. Так, Западный фронт готовил Смоленскую операцию, а Брянский — удар из района Новосили на Орел. Могли ли они в этих условиях уделять достаточное внимание вопросам тесного взаимодействия своих фланговых армий? К сожалению, рассчитывать на это было трудно.

Когда все силы, сосредоточенные для нанесения удара, находятся в одних руках, то планирование и подготовка прорыва вражеской обороны значительно облегчается и, следовательно, само наступление протекает в более благоприятных условиях с точки зрения управления войсками. А это было для нас очень важным еще и потому, что уже к 20 мая войска должны были быть в полной готовности к наступлению. В нашем распоряжении оставалось мало времени — всего около 20 дней на проведение колоссальной подготовительной работы в трудных условиях запоздалой весны.

Серьезное беспокойство вызывало и то, что командующий войсками Западного фронта генерал-полковник В. Д. Соколовский, руководствуясь указаниями Ставки, решил

направить армию после прорыва обороны противника строго на юг, в общем направлении на Хотынец. Такое решение вытекало из стремления окружить всю орловскую группировку и само по себе было смелым и сулило большой эффект. Если бы в районе Хотынца войска Западного фронта действительно соединились с ударной группировкой Центрального фронта, то в районе Орла мы получили бы подобие грандиозного Сталинградского «котла».

Таким образом, замысел операции, намеченной Ставкой Верховного Главнокомандования, имел далеко идущие цели, был проникнут большой оперативной смелостью. Но, несмотря на все это, данный замысел показался мне далеко не лучшим в сложившейся обстановке, и я вынужден был настойчиво возражать против него.

Детально оценив все аспекты предстоящей операции, я пришел к глубокому убеждению, что замысел покоится на весьма непрочном основании. Ибо не исключено было, что удар 11-й гвардейской армии в направлении Хотынца повиснет в воздухе. Если бы нашей армии и удалось продвинуться до Хотынца, то там она могла оказаться в одиночестве, разбросав силы на огромном дугообразном фронте своего глубокого вклинения в расположение противника. Иначе говоря, главный удар армии в этом направлении, невзирая на ожидаемое глубокое вторжение во вражескую оборону, мог бы раствориться и заглохнуть, не достигнув своей основной цели — соединения с войсками Центрального фронта. Дело в том, что наш удар должен был развиваться в полосе, весьма плотно насыщенной войсками противника. Данные разведки со всей очевидностью указывали на это. Нам было хорошо известно, что враг сам готовится к наступлению и, в частности, в районе, где намечалось соединение двух наших клиньев, сосредоточивалась одна из главных ударных группировок врага, а именно 9-я армия генерала Моделя, входившая в группу армий «Центр».

Широкий маневр при операциях, имевших целью окружение противника, обычно удавался в том случае, когда после прорыва обороны врага наступающая сторона выходила на оперативный простор и получала возможность быстро преодолеть значительные расстояния, а затем создать внутренний и внешний фронты окружения раньше, чем противник сумеет собрать силы для парирования удара. В данном же случае после прорыва обороны обе наши ударные группировки могли натолкнуться на компактные силы войск врага, изготовившегося к наступлению.

Таким образом, реальные расчеты и анализ сложившейся оперативной обстановки явно показывали, что надеяться на тесное взаимодействие с ударной группировкой К. К. Рокоссовского не приходилось. Против него ожидался мощный удар Моделя, имевшего задачу совместно с 4-й танковой армией генерала Гота из группы армий «Юг» окружить и уничтожить наши войска, подготовившиеся к упорной обороне на северном и южном фасах Орловской дуги. В сложившейся ситуации следовало ожидать, что войска Центрального фронта неизбежно на довольно продолжительное время будут скованы напряженными боями с ударной группировкой противника.

Чтобы осуществить заманчивую, сулившую крупную победу замысел на окружение всей орловской группировки, Ставка Верховного Главнокомандования должна была при наличии достаточных сил пойти на принципиально иное решение, реализация которого основывалась бы на всестороннем учете сложившейся обстановки. Для этого необходимо было на левом крыле Западного фронта сосредоточить большие силы, чем те, которыми располагала 11-я гвардейская армия. Боевая мощь ударной группировки наших войск на этом направлении должна была быть достаточной для обеспечения стремительного выхода в тыл орловской группировки противника с целью ее окружения и последующего уничтожения совместными усилиями трех наших фронтов. Основу этой ударной группировки могли бы составить две сильные танковые армии, поддерживаемые мощной авиационной группой.

В этом случае действительно можно было превратить Орловский выступ в кольцо, внутри которого оказалось бы несколько десятков вражеских дивизий. Но это требовало больших сил.

Как видно, замысел, о котором говорилось выше, родился под влиянием Сталинградского контрнаступления, в ходе которого ударные группировки Юго-Западного и Сталинградского фронтов, преодолев более 200 км навстречу друг другу, замкнули кольцо окружения точно в назначенном пункте. Их взаимодействие увенчалось полным успехом. Но под Сталинградом удар наносился по слабым флангам противника, а ма-

невр на окружение проходил по тылам группировки, которая фактически не имела резервов, была скована боями на улицах громадного города и потому лишена возможности быстрого маневра силами и средствами. В районе же Орла войска вермахта были в совершенно ином состоянии, чем на берегах Волги осенью 1942 г., здесь они долго и тщательно готовились наступать и имели прочно прикрытые фланги.

Исход предстоящего в районе Курской дуги сражения, как я уже отмечал, имел огромное политическое значение. Даже небольшой оперативный успех укрепил бы международное положение фашистского блока. Ведь гитлеровское командование упорно твердило, что их армии терпят поражение якобы не от советских войск, а от суровых природных условий России. И вот летом 1943 г. оно из всех сил стремилось доказать это.

В этой обстановке Ставка Верховного Главнокомандования, видимо, из-за недостатка сил не ставила перед войсками далеко идущих целей, а фактически наметила серию ударов, более или менее равномерно распределенных по всему дугообразному фронту обороны орловской группировки противника. Надо также иметь в виду, что, принимая весьма важное решение на летнюю кампанию, Ставка, естественно, не могла не беспокоиться за московское направление. Ведь с Орловского плацдарма при успешном осуществлении операции «Цитадель» гитлеровское командование могло попытаться нанести удар в общем направлении на Москву. Этим и ничем иным объясняется такое, казалось бы, равномерное распределение ударных группировок наших войск вокруг орловской группировки врага.

Взвешивая все моменты, я понял, что необходимо внести коррективы в замысел Орловской наступательной операции, и на ее первом этапе выполнить более скромную по масштабу, но более реальную задачу: встречными ударами 11-й гвардейской и 61-й армий на Болхов окружить и уничтожить болховскую группировку противника, прикрывавшую Орловский выступ с севера. Для этого требовалось подчинить командованию 11-й гвардейской армии все силы, которые должны были наступать с плацдарма на р. Жиздре, а 61-й армии, усилив ее несколькими дивизиями из резерва, поставить задачу нанести удар из района северо-восточнее Болхова навстречу войскам нашей армии, чтобы взять болховскую группировку противника в клещи. По нашему мнению, ее разгром создал бы в обороне противника такую брешь, которую он вряд ли сумел бы быстро закрыть, что привело бы к потере оперативной устойчивости на северном фасе его обороны и к созданию весьма благоприятных условий для дальнейшего развития успеха наших войск строго на юг, во фланг и тыл орловской группировки немецко-фашистских войск. Свои соображения я подробно изложил командующему войсками фронта, но, к сожалению, они показались ему недостаточно убедительными, тем более, что расходились с замыслом Ставки. Это очень расстроило меня, так как без поддержки моего непосредственного начальника оставалось очень мало надежды добиться изменения решения в высших инстанциях.

В конце апреля последовал вызов в Москву В. Д. Соколовского, Н. А. Булганина и меня, а также командовавшего Брянским фронтом генерала М. А. Рейтера¹⁶ и командарма 61-й П. А. Белова. Нас принял заместитель начальника Генерального штаба генерал А. И. Антонов. Он заслушал соображения командующих фронтами. Изложенные ими решения целиком и полностью соответствовали замыслу Ставки. Я вновь изложил свою точку зрения, подкрепив свои доводы расчетами и ссылками на данные разведки. Моим главным оппонентом на сей раз оказался Макс Андреевич Рейтер. Он заявил, что я требую слишком многого и что во всякой наступательной операции есть доля риска. Я ответил на это, что риск следует сочетать со здравым расчетом. К глубокому сожалению, я не добился понимания и в этом случае.

Известно, что каждое из возможных решений имеет свои преимущества и сделать выбор между ними нелегко. Поскольку у командующих Западным и Брянским фронтами уже сложилось согласованное мнение в пользу принятого ими решения, руководство Генерального штаба не сочло возможным менять его.

Видя, что я продолжаю упорно отстаивать свое предложение, генерал М. А. Рейтер, стараясь скрыть досаду, заметил:

¹⁶ Генерал-полковник М. А. Рейтер командовал Брянским фронтом до 5 июня 1943 г., а затем его сменил генерал-полковник М. М. Попов.

— Ну, что ты, Иван Христофорович, упорствуешь: все ведь уже согласовано, все ясно. Отлично выполнишь поставленную задачу, как мы это блестяще сделали недавно, освобождая древний русский город Курск.

Мне пришлось подчиниться. В этом споре я оказался побежденным, но не убежденным.

В один из следующих дней нашего пребывания в Москве состоялось совещание в Ставке, целью его было окончательное рассмотрение и утверждение плана Орловской операции. Совещанием руководил И. В. Сталин. Присутствовали те же военачальники. Замысел Орловской операции и решения, принятые командующими фронтами, докладывал заместитель начальника Генштаба генерал-полковник А. И. Антонов. Его очень обстоятельный доклад не вызвал прений. Со стороны Верховного Главнокомандующего, задавшего несколько вопросов, чтобы уточнить детали взаимодействия фронтов, возражений тоже не последовало.

Мною владело двойственное чувство. Я понимал, что, если не выскажу сейчас своих сомнений, обсуждаемый план обретет силу обязательного для выполнения приказа. Вместе с тем выступление на совещании в Ставке против решения, принятого командующим фронтом и одобренного Генеральным штабом, могло быть превратно истолковано. Командармом я был тогда еще молодым. И я ждал удобного момента, чтобы моя попытка высказать свою точку зрения не вызвала отрицательной реакции. Уже начали свертывать карты, когда И. В. Сталин со свойственной ему лаконичностью спросил: «Все ли согласны с данным решением? Возможно, у кого-нибудь есть иное мнение на этот счет». Для меня это была последняя возможность изложить выношенное мною в долгих раздумьях предложение. Я решил использовать ее и попросил у И. В. Сталина разрешения высказаться. Он, не без удивления, но вместе с тем доброжелательно посмотрев на меня, приказал докладывать.

Снова развернули карты. Стараясь сдерживать волнение, я высказал основные доводы в пользу своей точки зрения. Без особой надежды на успех, но довольно твердо и, как мне показалось, достаточно убедительно я попросил в заключение рассмотреть мое предложение.

Взглянув на присутствующих, я подумал, что сейчас «большая тройка» — два командующих фронтами и заместитель начальника Генштаба — обрушатся на меня и под их давлением вновь рухнет мой план. Но получилось не совсем так. После доклада на минуту воцарилось молчание. А затем, как я и думал, генералы В. Д. Соколовский и М. А. Рейтер постарались опровергнуть мои аргументы.

Особенно горячо возражал мне Макс Андреевич Рейтер. В заключение своих довольно резких суждений он бросил в мой адрес особенно запомнившийся мне упрек:

— Товарищ Сталин, Баграмян упрямно добивается, чтобы ему создали условия, облегчающие решение задачи, поставленной Ставкой. Если его послушать, то получается, что нужно не только усилить боевой состав 11-й гвардейской, но еще и поддерживать ее действия сильными ударами соседей.

После этой реплики, сказанной довольно язвительным тоном, Сталин, до этого внимательно изучавший нанесенную на карту обстановку, вынул трубку из рта, разгладил привычным движением усы. Все смолкли, зная, что сейчас будет положен конец спору. Рейтер бросил на меня быстрый, но очень выразительный взгляд.

А Верховный Главнокомандующий очень тихо, спокойным тоном сказал:

— А ведь Баграмян дело говорит. И, по-моему, с его предложением нужно соглашаться. Что касается беспокойства командарма о создании хороших условий для выполнения задачи, то это похвально. На него же ляжет вся тяжесть ответственности в случае неудачи.

После такого резюме Верховного Главнокомандующего охотников продолжать спор не нашлось, и предложение командования 11-й гвардейской армии было принято без существенных изменений.

В соответствии с новым вариантом плана операции Ставка передала нам все дивизии, которым предстояло прорвать оборону врага южнее Козельска, у основания Орловской дуги. Перед 11-й гвардейской армией была поставлена теперь следующая задача: прорвать оборону противника на участке Глинная, Жуково и уничтожить его противостоящие войска. В дальнейшем, прикрываясь частью сил с запада по р. Рессете, главные силы повернуть на юго-восток и развивать ими наступление на Болхов, куда

навстречу нам с северо-востока должны были двигаться соединения 61-й армии Брянского фронта.

После разгрома болховской группировки противника наша армия должна была основные усилия сосредоточить для прорыва в район Хотынец.

Из Москвы, помнится, вернулся я в штаб армии в приподнятом настроении, у меня появилась уверенность в том, что, хорошо потрудившись, мы успешно выполним поставленную задачу и внесем тем самым ощутимый вклад в приближение победы над смертельным врагом нашего народа — гитлеровским фашизмом.

Вернулся я к своим соратникам накануне 1 мая, а незадолго до этого штаб армии переехал в довольно большое село Матчино. В эти дни к нам в гости прибыли шефы с подарками, а также группа московских артистов. Над штабом армии шефствовал тогда Свердловский район столицы, а над многими нашими дивизиями — другие районы Москвы. Дело в том, что из вошедших по приказу Ставки в состав армии соединений две дивизии сформировались первоначально как московские дивизии народного ополчения, а почти все остальные были связаны крепкими узами с Москвой, так как участвовали в обороне столицы и последовавшем затем контрнаступлении.

Накануне праздника я встретился с командующим 50-й армии И. В. Болдиным. Мне предстояло передать, а ему принять войска, входившие в состав 16-й армии во время Жиздринской операции. Речь шла о 326, 17, 49, 64 и 324-й стрелковых дивизиях, 125, 128 и 4-й отдельных стрелковых бригадах, 29-й гвардейской танковой бригаде, о 523-м и 1091-м пушечных артполках. Они вместе с прежней армейской полосой обороны от Запрудья до Хомутово отходили к 50-й армии.

С Иваном Васильевичем Болдиным мы были знакомы давно, и эта встреча вновь оставила у меня о командующем 50-й армии самое лучшее впечатление. Он прошел суровый путь от солдата царской армии до генерал-полковника Красной Армии. Великую Отечественную войну он начал заместителем командующего войсками Белорусского особого военного округа. В первых же боях проявил себя как зрелый военачальник, умеющий ориентироваться и принимать правильные решения в любой самой острой и неблагоприятной обстановке. Оказавшись в окружении, он вывел с боями к линии фронта большую группу военнослужащих. В Московской битве 50-я армия под его командованием прославилась при обороне Тулы.

И. В. Болдин был обаятельнейшим человеком. Всюду, где бы он ни был, бросались в глаза его статная высокая фигура, умение держаться очень просто и в то же время с достоинством, умное, с правильными чертами лицо, почти всегда освещенное улыбкой добрых, очень внимательных карих глаз. Генерал Болдин запомнился мне как волевой и вместе с тем очень мягкий в обращении человек, обладавший острым умом и большими знаниями в военном деле.

29 мая 1943 г. мы с генерал-лейтенантом И. В. Болдиным подписали акт о передаче участка и войска. Для нашей армии, в которую вошли 8-й, 16-й и вновь формируемый 36-й гвардейский стрелковые корпуса были определены границы: справа — Колесово, Поляково, Шубник, слева — Клюксы, Белокамень, Жуково, Дурнево. Передний край проходил по р. Жиздре с плацдармом на ее южном берегу. Новый участок обороны армии занимался 217-й и 108-й стрелковыми дивизиями. Остальные силы армии находились в тылу на удалении 40—90 км от линии фронта¹⁷.

По имевшимся у нас сведениям, 11-гвардейской армии в первом эшелоне обороны противника противостояли силы 211-й и 293-й пехотных и одной моторизованной дивизий. Кроме того, враг мог использовать в качестве ближайших резервов одну пехотную и 5-ю танковую дивизии. Находившиеся в полосе наступления армии немецко-фашистские дивизии были хорошо укомплектованы и вооружены, отличались высокой боеспособностью, занимали развитую в инженерном отношении и глубоко эшелонированную оборону.

Времени на подготовку операции давалось около 20 дней. Как будто бы срок немалый, в ходе Великой Отечественной войны приходилось готовить операции и в более

¹⁷ К моменту перехода в наступление армия имела 12 стрелковых дивизий, в том числе 9 гвардейских, 2 танковых корпуса, 4 танковые бригады, 2 танковых полка, 1 артиллерийский корпус, 1 пушечно-артиллерийскую и 2 зенитно-артиллерийские дивизии, 7 инженерных батальонов.

короткие сроки. Трудность в данном случае заключалась в том, что противник создал здесь по всем правилам фортификационного искусства глубоко эшелонированную оборону. Кроме того, характер местности совершенно не благоприятствовал наступлению. Происходившие здесь летом 1942 и зимой 1943 г. тяжелые бои со всей убедительностью показали, какие огромные преимущества имеет обороняющаяся сторона на этой лесистой, сильно пересеченной оврагами и реками местности и как много теряет наступающий в условиях, когда почти невозможно применять массированно танковые силы.

Вот передо мною оперативная карта местности, смотришь на нее и как-то незаметно в сознании картографические условности преобразуются в реальные особенности ландшафта. Участок от р. Жиздры до линии Медынцево, Ульяново, Дебри глубиной в 16—18 км — всхолмленная, непрерывно повышающаяся к югу местность, пересеченная к тому же большим количеством оврагов и лощин. Именно это обеспечивало противнику преимущества в создании прочной, глубоко эшелонированной обороны. Сразу же за этим участком местности следуют хвойные леса, перемежающиеся с болотами, они тянутся вдоль железнодорожной ветки от Дудоровского до самого Брянска. Только примерно в 20 км севернее станции Хотынец и западнее Болхова этот лесной массив обрывался, и далее снова шли поля и пустоши, пересеченные оврагами и холмами. Справа и слева избранную нами для прорыва полосу местности окаймляли на большую глубину реки Рессета и Вытебеть. Нелегко в таких условиях будет нам расширять прорыв в сторону флангов, думалось мне, а врагу будет очень удобно наносить контрудары по флангам наших наступающих войск.

Фашистское командование весьма умело использовало все выгоды местности, создавая в течение почти года оборону в междуречьи рек Рессета и Вытебеть. За это время его части изрыли вдоль и поперек весь открытый 18-километровый участок. Они здесь создали глубоко эшелонированную позиционную оборону, состоявшую из главной и второй (тыловой) оборонительных полос и ряда отсечных позиций.

На позициях главной полосы обороны была подготовлена система опорных пунктов, оборудованных широко развитыми траншеями и ходами сообщения. Было немало дзотов, но особенно много — бронеколпаков. Гитлеровское командование считало, что бронеколпаки выгоднее, ибо менее заметны на местности и менее уязвимы, чем дзоты. Перед передним краем и в глубине враг подготовил минные поля, многочисленные проволочные заграждения. Лесные участки были пересечены деревянными и дерево-земляными барьерами, высота которых достигала 2,5 м, а ширина до 4 м. Наиболее мощный узел обороны противник создал в районе села Дудино, расположенного на вершине относительно высокого плато, господствовавшего над всей долиной р. Жиздры. Это была ключевая позиция в системе главной полосы обороны противника. Без стремительного овладения этим узлом сопротивления нельзя было и мечтать об успешном прорыве обороны вражеских войск. Имевшиеся в составе армии силы и средства вполне обеспечивали быстрый прорыв обороны на всю тактическую глубину.

Но мы понимали и трудности, с которыми неизбежно придется столкнуться, так как армия должна была не только самостоятельно прорвать довольно сильную оборону противника, но и одна, без посторонней помощи развивать успех наступления на своем направлении вплоть до достижения целей операции в полном объеме. Учитывая это, было решено для прорыва обороны сосредоточить на направлении главного удара почти все войска армии с их огневыми и техническими средствами на участке в 16 км, а на остальном 20-километровом рубеже растянуть одну стрелковую дивизию. Это обеспечивало нам общее превосходство над врагом (с учетом его тактических резервов): по пехоте — более чем двукратное, в артиллерии — более чем девятикратное и в танках — четырехкратное.

Оперативное и тактическое построение соединений и частей армии обуславливалось стоявшей перед ней задачей, характером обороны противника и местности на участке прорыва и в оперативной глубине. Оно преследовало две цели: нанести на возможно более широком фронте мощный удар по главной полосе обороны противника, чтобы создать этим благоприятные условия для развития операции в глубину, и в то же время обеспечить наращивание значительных сил армии на направлении главного удара для достижения конечной цели операции.

Основные усилия было решено сосредоточить в центре оперативного построения

армии и на ее левом фланге, чтобы после прорыва тактической зоны обороны стремительно развивать успех в юго-восточном направлении на Болхов и одновременно свертывать оборону противника перед фронтом 61-й армии. Соединения, выделенные для наступления на правом фланге армии, обеспечивали прорыв вражеской обороны и быстрый выход на р. Ресету с последующим переходом здесь части сил к обороне с целью прикрытия правого фланга армии от возможных ударов с запада.

В соответствии с принятым решением все три стрелковых корпуса со средствами усиления были развернуты в первом эшелоне: на правом фланге — 16-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора Афанасия Васильевича Лапшова в составе четырех стрелковых дивизий, в центре — 8-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора Петра Федоровича Малышева и на левом фланге — 36-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора Александра Сергеевича Ксенофонтова (два последних корпуса в составе трех стрелковых дивизий каждый). В подвижную группу армии были включены два танковых корпуса с задачей развивать наступление в юго-восточном направлении. Одна правофланговая стрелковая дивизия должна была удерживать широкий фронт обороны по р. Жиздре, еще одна стрелковая дивизия составляла резерв армии.

Чтобы организовать успешный штурм и преодоление мощного оборонительного рубежа противника, командованию армии пришлось много поработать над подготовкой бронетанковых частей и соединений к участию в операции. Основная тяжесть пала на молодого энергичного генерал-майора танковых войск Константина Васильевича Скорнякова, который со своим немногочисленным штабом проделал большую работу по подготовке боевой техники и экипажей к предстоящим боям. Во многом успех нашей операции зависел от разумной организации артиллерийского наступления. Мы создали общую артиллерийскую плотность на участке прорыва свыше 200 артиллерийско-минометных единиц на километр, а на отдельных, наиболее важных участках довели ее до 245 единиц. Артиллерийская подготовка планировалась на значительную глубину — до 8 км. Основная задача артиллерии состояла в подавлении и уничтожении живой силы, огневых средств и сооружений в опорных пунктах главной полосы обороны противника.

Огромную, неоценимую работу провели наши артиллеристы во главе со способным командующим артиллерией армии генерал-лейтенантом П. С. Семеновым, который был душой всей организаторской деятельности. В данной операции артиллерия вновь показала, что она достойна своей репутации бога войны, обеспечив успешный прорыв хорошо организованной обороны противника.

Авиационное обеспечение нашего наступления осуществляла 1-я воздушная армия под командованием генерал-лейтенанта авиации М. М. Громова, прославленного летчика, отлично знавшего боевые возможности авиационной техники. Основной задачей авиаторов было подавление системы обороны противника сосредоточенными бомбовыми ударами непосредственно перед атакой, обеспечение ввода в сражение танковых корпусов и их действий в оперативной глубине, завоевание господства в воздухе.

Главным звеном в проведении такой сложной операции была, несомненно, всесторонняя подготовка войск армии к наступлению и в первую очередь командования и штабов соединений. От того, насколько четко и правильно понимали они задачи войск и сущность их взаимодействия, зависела по меньшей мере половина успеха всего дела. С этой целью мы организовали серию встреч с командирами соединений, на которых практически отрабатывали все основные вопросы предстоящего наступления. Началась эта кропотливая работа с того, что 8 мая мы собрали в штабе армии всех командиров стрелковых, танковых и артиллерийских соединений. На крупномасштабном рельефном макете, который полностью воспроизводил участок прорыва, я подробно ознакомил их с задачами армии, детально проанализировал замысел операции и изложил план действий. В соответствии с принятым замыслом сформулировал и конкретно показал на макете задачи каждого соединения армии, артиллерии и инженерных войск, а также поддерживающей авиации.

Ценные указания по подготовке армии к наступлению дал в конце первого дня работы нашего совещания командующий войсками фронта генерал-полковник В. Д. Соколовский. Он, в частности, четко определил важную роль 11-й гвардейской армии в решении всего комплекса задач, поставленных Ставкой Верховного Главнокомандова-

ния на летнюю кампанию 1943 г. От успеха этого удара, говорил он, будет во многом зависеть дальнейшее развитие боевых действий. Затем член Военного совета Н. А. Булганин дал ряд практических советов командованию и политорганам армии по организации партийно-политического обеспечения операции.

На следующий день мы вместе с командирами корпусов, командующими родами войск и начальниками служб провели рекогносцировку и уточнили на местности детали предстоящих действий. Началась четко спланированная штабом армии кропотливая работа по осуществлению всех намеченных по подготовке операции мероприятий. Офицеры штаба армии во главе с начальником оперативного отдела полковником Ф. М. Бобковым¹⁸ проявили огромную энергию и настойчивость в претворении намеченного плана в жизнь.

Командование и штаб армии принимали всевозможные меры для сохранения в тайне подготовки операции и введения противника в заблуждение. Важно было создать у него впечатление, что в полосе обороны армии ничего не изменилось, все ее усилия направлены на создание прочной обороны, на дальнейшее ее развитие и совершенствование. В дневное время разрешалось движение только легковых автомашин, для грузовых машин выдавалось не более 15 пропусков на дивизию. Ночью все грузовые машины следовали с затемненными фарами. Комендантская служба наделялась самыми широкими полномочиями по пресечению всех действий на дорогах, способных вызвать у противника подозрение.

Инженерные работы с рассветом прекращались и тщательно маскировались от наземного и воздушного наблюдений. Много было возведено различных ложных сооружений. Все это сторицей окупилось с началом операции. Противник остался в неведении о готовившейся крупной операции. Важную и необычайно большую по объему работу проделали инженерные войска, руководимые опытным, но несколько флегматичным начальником инженерных войск армии полковником Федором Михайловичем Савеловым. Саперами был хорошо подготовлен исходный плацдарм для наступления. Во всех деталях был отработан весь комплекс вопросов обеспечения бесперебойной связи в ходе наступления. Энергичный начальник связи армии полковник Яков Митрофанович Давыденко буквально загонял в эти дни своих офицеров, но связь организовал образцово. К началу операции командный пункт армии располагался в 16 км от переднего края (в 1 км южнее села Матчино). Запасный узел связи для командного пункта был подготовлен в 5 км от переднего края, в лесу западнее Дретово. А на высоте, в 1 км южнее Шемякино, был оборудован наблюдательный пункт, с которого я и руководил действиями войск по прорыву обороны противника.

В ходе подготовки к наступлению тщательно был изучен противник. В этом очень помог разведотдел штаба армии, которым руководил инициативный и хорошо знающий дело подполковник Илья Иванович Чесаков.

Здесь необходимо сказать доброе слово о начальнике тыла армии генерал-майоре Федоре Захаровиче Лазаревиче, сумевшем мобилизовать все службы на то, чтобы своевременно вывезти на огневые позиции и полевые склады все материальные средства, где они были рассредоточены и надежно укрыты. Хорошо потрудились в течение этих 20 дней армейские медики во главе с начальником санитарного отдела полковником медицинской службы Валентином Ивановичем Потаповым.

Неоценимая работа по подготовке воинов к предстоящей операции была проделана партийно-политическим аппаратом армии. Военный совет армии, политорганы, партийные и комсомольские организации осуществили ряд важных мероприятий политиковоспитательного характера. Особенно большая работа в осуществлении всех этих мероприятий была проведена членами Военного совета армии генерал-майором танковых войск П. Н. Куликовым и полковником Ф. В. Яшечкиным, а также начальником политотдела армии полковником Д. Ф. Романовым. В центре всей партийно-политической работы стояли вопросы всемерного повышения политико-морального состояния личного состава, воспитания у солдат и офицеров чувства личной ответственности за выполнение возложенных на них боевых задач.

¹⁸ В это время происходила смена начальника штаба армии: вместо генерала И. Т. Гришина прибыл генерал - майор Н. П. Иванов.

При проведении воспитательной работы с войнами широко использовались опубликованные тогда в печати материалы Совинформбюро «Два года Отечественной войны Советского Союза». Приводимые в них факты служили убедительным подтверждением того, что на полях сражений в нашей стране за эти два года авантюристские планы германского империализма — поработить народы СССР — потерпели провал. Вместе с тем на всех собраниях, митингах, в групповых и индивидуальных беседах политработников, партийно-комсомольских активистов, агитаторов подчеркивалось, что враг еще силен и для достижения победы необходимо напряжение всех сил. Активная партийно-политическая работа, осуществленная командирами, политорганами, партийными и комсомольскими организациями, обеспечила высокий наступательный порыв и послужила надежным подспорьем успешного выполнения войсками армии боевой задачи. Было сделано все для того, чтобы обеспечить авангардную роль коммунистов в предстоящих боях. Это не могло не сказаться на ходе операции.

Вспоминая труднейшие условия подготовки операции, я не могу не отметить той огромной помощи, которая была оказана 11-й гвардейской армии со стороны командующего и всех членов Военного совета фронта.

Вечером 24 мая я доложил командующему фронтом В. Д. Соколовскому, что армия готова к переходу в наступление. Однако Ставка Верховного Главнокомандования решила сначала измотать и обескровить врага упорной обороной и только после этого перейти в контрнаступление. Поэтому наступление нашей армии было перенесено на более поздний срок. Представившееся нам время мы максимально использовали для дальнейшей подготовки войск. По особо разработанному штабом армии плану на специально построенных узлах сопротивления проводились учения с боевой стрельбой, тщательно отрабатывались тактические приемы боя и вопросы тесного взаимодействия с саперами, танкистами, артиллеристами.

В те дни мы не жалели ни времени, ни сил, действуя по суворовскому принципу — тяжело в учении, легко в бою. Я помню, что мы тогда с моими непосредственными помощниками облазили, что называется, все траншеи с тем, чтобы возможно лучше подготовить прорыв обороны противника, да и поговорить с солдатами и сержантами, узнать их настроение, вдохнуть уверенность в достижение победы над фашистскими извергами.

Примерно в середине июня по поручению Ставки Верховного Главнокомандования к нам в село Матчино из Москвы приехал начальник Генерального Штаба Маршал Советского Союза А. М. Василевский с целью проверки степени готовности войск армии к переходу в наступление. В личной беседе со мной Александр Михайлович сообщил, какое важное значение придает И. В. Сталин участию 11-й гвардейской армии в операции по разгрому орловской группировки врага. Армия по своему боевому составу, сказал он, является ударной, и Верховный Главнокомандующий вполне обоснованно ждет от нее больших успехов в предстоящей операции.

А. М. Василевский ознакомился с оперативно-тактической обстановкой, сложившейся в полосе действий армии. Затем заслушал мой доклад по планированию и подготовке операции. Особенно детально при этом он интересовался вопросом, как будет организован нами прорыв обороны противника на всю ее тактическую глубину. В итоге доклада и справок, данных штабом и командующими родами войск и служб, как мне показалось, у А. М. Василевского сложилось в целом положительное впечатление о проделанной нами работе.

Чтобы убедиться в правильности намеченных командованием армии мероприятий, А. М. Василевский выразил желание выехать к линии фронта и там ознакомиться с общим характером обороны противника, с условиями развертывания и атаки войсками армии переднего края обороны и развития наступления в глубине расположения противника. Приняв все необходимые меры безопасности, мы с членом Военного совета и начальником штаба армии отправились с А. М. Василевским на подготовленный для меня южнее населенного пункта Шемякино наблюдательный пункт. С него просматривался весь участок предстоящего прорыва. А. М. Василевский, имевший огромный опыт командной работы в звеньях полк — дивизия — корпус, свободно ориентировался на местности. Он всесторонне оценил наиболее важные, ключевые узлы сопротивления в системе обороны противника и дал нам ряд ценных указаний по их преодолению. После этой рекогносцировки мы вернулись в штаб армии. Перед отъездом в Мо-

скву А. М. Василевский доверительно сообщил мне, что, по данным разведки, которыми располагает Ставка, гитлеровское командование в ближайшее время должно начать наступление против войск Центрального и Воронежского фронтов, перешедших к обороне на Курской дуге. К этому его вынуждает общая политическая и военная обстановка, сложившаяся сейчас на основных театрах военных действий у нас и в Западной Европе.

Как только мы узнали о переносе срока наступления, встал вопрос: как быть с огромной массой боеприпасов, подвезенных на плацдарм. Это грозило большими неприятностями, если бы противник действительно перешел в наступление в данном районе. Мы долго оттягивали переброску боеприпасов на другой берег реки, а когда все же решили начать перевозить их, было получено приказание об усилении готовности войск к переходу в наступление.

В конце июня нашу армию посетил заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. В штабе армии находились командующий Западным фронтом генерал В. Д. Соколовский, член Военного совета фронта генерал Н. А. Булганин, командующий артиллерией Красной Армии Маршал артиллерии Н. Н. Воронов и командующий авиацией дальнего действия генерал А. Е. Голованов.

Георгий Константинович Жуков очень подробно ознакомился с разработанным планом операции, организацией прорыва обороны противника и нашими соображениями по развитию успеха наступления танковыми корпусами генералов М. Г. Сахно и В. В. Буткова. Обладая богатым опытом в подготовке и проведении операций и хорошо зная излюбленные тактические и оперативные приемы немецко-фашистского командования, Г. К. Жуков своими указаниями и советами оказал нам существенную помощь в улучшении разработанного нами плана операции.

Вопросы боевого применения артиллерии при прорыве обороны противника очень грамотно, четко и ясно доложил маршалу командующий артиллерией армии генерал-лейтенант Петр Сергеевич Семенов. Его докладом Г. К. Жуков остался доволен. За время совместной службы в Киевском особом военном округе и особенно в начале войны я достаточно хорошо изучил характерные черты полководческого искусства Георгия Константиновича. Он как в мирное время, так особенно на войне всегда отличался оригинальностью принимаемых решений и смелым применением новых методов и приемов боевых действий. Новизна и внезапность таких приемов зачастую ставили противника в трудное положение. При обсуждении доклада П. С. Семенова у Г. К. Жукова родилась идея преподнести немцам сюрприз. Он предложил атаку пехоты и танков начинать не после окончания артиллерийской подготовки, как это делалось до сих пор, что помогало противнику определить начало перехода наших войск в атаку, а в процессе артиллерийской подготовки, в момент усиления ее темпа и мощности.

Все мы, в том числе и маршал Н. Н. Воронов, после небольшого обсуждения приняли это предложение. Артиллеристам пришлось ввести в план артиллерийской подготовки изменения и согласовать их с командирами стрелковых корпусов и дивизий. Это новшество вполне оправдало себя при проведении операции.

Уезжая из армии, Г. К. Жуков предупредил нас, что по всем данным немецко-фашистские войска в ближайшее время перейдут на Курской дуге в наступление. Он потребовал от В. Д. Соколовского и меня принять необходимые меры для дальнейшего повышения готовности войск армии к переходу в наступление.

На следующий день мы с генералом А. Е. Головановым занимались организацией ударов его тяжелых бомбардировщиков по Дудино — самому укрепленному и крупному узлу сопротивления в главной полосе обороны противника. Как я уже отмечал, дудинский узел являлся ключевой позицией всей тактической обороны противника. От падения Дудино во многом зависел успех наступления. В распоряжение командования армии было выделено 100 тяжелых бомбардировщиков на два боевых вылета. Мы с Александром Евгеньевичем решили нанести два мощных авиационных удара по Дудино: первый — в ночь на 11 июля и второй — в ночь на 12 июля. Однако организация надежности пошелонного выхода бомбардировщиков на цель и обеспечение безопасности бомбометания для наших войск оказались делом большой сложности. Генерал Голованов помог нам организовать систему светового обозначения расположения частей 16-й и 31-й гвардейских стрелковых дивизий, занимавших исходное положение для наступления на Дудино; эта система сыграла двойную роль: она обеспечила точность вы-

хода бомбардировщиков на цель и вместе с тем безопасность наших наземных частей при бомбометании.

Несколько забегая вперед, хочу отметить, что благодаря высоким организаторским качествам генерала А. Е. Голованова оба удара тяжелых бомбардировщиков авиации дальнего действия были нанесены в назначенное время и довольно точно. Эти мощные удары очень помогли нам.

От встречи с А. Е. Головановым, которая, кстати говоря, была единственной за всю Великую Отечественную войну, остались у меня самые приятные воспоминания.

Днем 2 июля мне позвонил начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант А. П. Покровский и предупредил, что в период с 3 по 6 июля враг должен перейти в общее наступление. Он сказал, что дублирует указание Генерального штаба о необходимости усиления разведки и наблюдения за противостоящими немецко-фашистскими войсками.

Вскоре мы получили оперативное ориентирование, из которого узнали, что начало операции «Цитадель» Гитлер назначил на 5 июля. В этот день враг нанес удары под основание Курского выступа одновременно с севера и с юга. Острия его танковых клиньев вонзились в оборону Центрального и Воронежского фронтов. К 7 июля окончательно определились главные направления усилий вермахта в летней кампании 1943 г. Войскам Брянского фронта и 11-й гвардейской армии было приказано завершить подготовку к переходу в наступление против орловской группировки противника. Главные силы армии еще оставались рассредоточенными. Некоторые дивизии находились в 100 и более километрах от переднего края. Задачи нашей армии оставались прежними. Переход армии в общее наступление был назначен на 12 июля.

Окончание следует